

> МАТИС ТРАЛЪ >

ЭЛДЖЕРНОН БЛЭКВУД

Вендиго

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б70

Algernon Blackwood
THE WENDIGO

Перевод с английского

Художественное оформление серии *Натали Портяной*

Блэквуд, Эджернон.

Б70 Вендиго : [перевод с английского] / Эджернон Блэквуд. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-221805-7

Центральная повесть сборника «Вендиго», одна из самых известных повестей Блэквуда, основана на легенде североамериканских индейцев о жутком лесном духе-людоеде, обитающем в бескрайних канадских лесах и символизирующем первобытный страх и безумие. История переносит читателя в дикие просторы Онтарио, где группа охотников сталкивается с необъяснимым и мрачным сверхъестественным началом, пробуждающим в них самые глубокие страхи и сомнения.

Кроме «Вендиго», в сборник вошли и другие загадочные рассказы Блэквуда: «Страна Зелёного Имбиря», «Затерянная долина», «Ивы», «Да воцарится свет!», «История о призраке», «Ужас близнецов», каждый из которых раскрывает уникальные грани мистики, древних верований и человеческих страхов.

Этот сборник понравится любителям мистики и атмосферы ледящего ужаса, где природа, духи и человеческий разум сплетаются в завораживающий танец вселенских тайн и страхов. Его произведения не просто пугают банальными литрами крови, а погружают читателя в философское размышление о границах человеческого познания и природе реальности.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Пучкова Е., перевод на русский язык, 2025
© Голикова А., перевод на русский язык, 2025
© Макарова М., перевод на русский язык, 2025
© Антонов С., перевод на русский язык, 2025
© Куренная М., перевод на русский язык, 2025
© Ибрагимов А., перевод на русский язык.
Наследник, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221805-7

ВЕНДИГО

В том году едва ли не все охотники вернулись домой ни с чем, и лишь немногим из них удалось-таки напасть на свежий след американского лося; животные вели себя пугливее обычного, и новоявленные Нимроды вынуждены были в кругу своих почтенных семей изощрённо оправдываться, ссылаясь на действительные факты или на домыслы собственной фантазии. В числе неудачников был и доктор Кэскарт из Абердина, также вернувшийся с очередной охоты без единого трофея. Сам он, правда, неудачником себя не считал, потчуя всех желающих интригующими рассказами о произошедшем с ним необычайном переживании, которое, как он утверждал, имело для него куда большую ценность, чем все красавцы-лоси, каких только довелось ему в жизни застрелить. Необыкновенная эта история не нашла, однако, никакого отражения на страницах написанной им книги «Массовые галлюцинации» — по той простой причине (в чем доктор однажды признался своему приятелю и коллеге), что сам он принял в ней слишком уж непосредственное участие, чтобы иметь право на сколько-нибудь беспристрастное и компетентное суждение о случившемся...

Помимо самого Кэскарта и местного проводника Хэнка Дэвиса в группу охотников входили совсем моло-

дой племянник доктора Симпсон, студент-богослов, с первого же дня обречённый в канадской лесной глуши на прозвище Малютка-церковь, и Дефаго, проводник юноши. Давным-давно, ещё когда строилась Канадская тихоокеанская железная дорога, французский канук Жозеф Дефаго отбился от родных корней в провинции Квебек и навсегда застрял на Крысиной Переправе; помимо несравненного знания лесной жизни и местных обычаев он мог также исполнять старинные песенки вояжёров, да к тому же рассказывать чудные охотничьи байки. В придачу ко всему был он чрезвычайно чувствителен к несравненному очарованию дикой природы, с особой силой воздействующему на иные замкнутые, склонные к одиночеству натуры; безлюдные места Дефаго любил с такой беззаветной романтической страстью, что она порой граничила с одержимостью. Жизнь лесной глуши буквально завораживала его, одаривая непревзойдённым умением приобщаться к её тайнам.

К участию в охотничьей экспедиции нового проводника привлёк Хэнк. Он хорошо знал Дефаго и мог за него поручиться. Нередко Хэнк по-дружески посмеивался над этим «парнем что надо», а поскольку речь канука, при всей своей очевидной бессмысленности, блистала перлами живописнейшей брани, разговор двух крепких и отважных «лесных жителей» частенько принимал весьма серьёзный оборот. Впрочем, из уважения к старому «охотничьему хозяину», которого по обычаю родной страны Хэнк именовал просто «доком», ему удавалось всё же несколько придерживать при Кэскарте вольный свой язык, тем более что и «молодой хозяин», Симпсон, был уже «чуть-чуть священником». Поводом к насмешкам над Дефаго служило то, что Хэнк определял как «извержение окаянного и мрачного духа», нет-нет да и проявлявшегося в поведении этого канадского

француза; судя по всему, он имел в виду романский характер своего закадычного друга и подверженность Дефаго приступам необъяснимой хандры, когда ничто не могло заставить его вымолвить хоть словечко. Но, правду сказать, Дефаго и в самом деле отличался крайней впечатлительностью и склонностью к меланхолии. Как правило, поводом для приступов молчаливости было сближение с «цивилизацией», даже кратковременное, но всякий раз несколько дней жизни в лесной глуши неизменно вылечивали его.

Итак, в последнюю неделю октября уже упомянутого «года пугливых лосей» четверо охотников, весьма отличающихся друг от друга по духовному складу, разбили главную свою стоянку на дальнем канадском Севере, за Крысиной переправой, — в глухой, заброшенной, безлюдной стороне. Впрочем, охотников сопровождал ещё и индеец по имени Панк, исполнявший обязанности повара; он и в прежние годы участвовал в лесных скитаниях доктора Кэскарта и Хэнка. Панк должен был просто-напросто жить на стоянке, ловить рыбу, жарить мясо добытых животных и при необходимости в считанные минуты готовить кофе. В своей поношенной городской одежде, доставшейся ему от прежних хозяев, он был похож на истинного индейца — если, конечно, забыть о его жёстких чёрных волосах и смуглой коже — не больше, чем, скажем, «театральный негр» на коренного жителя Африки. При всем том Панк ещё не утратил инстинктов своей вымирающей расы — в нем стойко жила склонность к невозмутимому молчанию и всяческого рода суевериям.

В ту ночь охотники, жавшиеся к ярко пылающему костру, были настроены невесело: за всю неделю не обнаружилось ни одного свежего признака лосей. Дефаго, впрочем, уже спел спутникам одну из своих излюбленных песен, а потом принялся рассказывать какую-то байку, но

Хэнк, пребывавший по случаю неудачной охоты в особо дурном расположении духа, постоянно бурчал что-нибудь вроде «от его путаницы, кроме вранья, ничего не остаётся», и вскоре француз погрузился в мрачное молчание, из которого, казалось, вывести его было уже невозможно. Молчали и доктор Кэскарт с племянником, изнурённые бесплодным рысканьем по лесу. Панк, устроившийся под навесом из нарубленных веток, где позже и заснул, мыл посуду, что-то тихо бормоча про себя.

Никому не хотелось трогаться с места, чтобы оживить медленно гаснущий костёр. Высоко в небе, уже по-зимнему холодном, сверкали звёзды, ветер был так тих, что вдоль береговой кромки усмирившегося озера мало-помалу начала нарастать ледяная бахрома. Со стороны бескрайнего леса подступала насторожённая, всё обволакивающая тишина.

Внезапно тишину нарушил гнусавый голос Хэнка.

— Что до меня, док, — громко произнёс проводник, устремив взгляд на своего патрона, — так я бы утречком перебрался в другие места. Тут мы разве что чёрта лысого добудем.

— Согласен, — коротко бросил обычно немногословный Кэскарт. — Мысль недурна.

— А вот, ей-богу, хозяин, — уже с уверенностью продолжал Хэнк, — я полагаю, стоит теперь двинуться на запад, к озеру Гарден, скажем, вы да я, для разнообразия! Никто из нас даже носу прежде не совал в те места...

— Идёт.

— А ты, Дефаго, возьми маленькую лодку и с мистером Симпсоном — через озеро, до самого залива Пятидесяти Островов, а потом наискосок — вдоль южного берега. Прошлой зимой там этих лосей паслось до дьявола, и гадай не гадай, а чем бес не шутит, может, и нынче, назло нам, они опять туда подались.

Дефаго, не отводя глаз от костра, продолжал молчать. Видимо, он всё ещё чувствовал себя оскорблённым, переживая, что его так бестактно прервали.

— Нынче никто не ходил тем путём, готов поспорить на доллар! — твёрдо заключил Хэнк, словно имея какие-то особые основания. Он бросил острый взгляд на своего приятеля. — Взять с собой палатку — ту, что поменьше, — и махнуть туда ночи на две, — добавил он, полагая дело решённым. Да и правду сказать, Хэнк считался общепризнанным распорядителем всех охотничьих затей и теперь в той же мере отвечал за успех предприятия.

Все чувствовали, что Дефаго не испытывает восторга от намеченного плана, и его молчание свидетельствует нечто большее, чем простое неодобрение: по смуглому, подвижному лицу француза огненной вспышкой промелькнуло странное выражение — не оставшееся, впрочем, незамеченным. «Мне показалось, что он словно испугался чего-то», — скажет позже Симпсон своему дяде, с которым они делили одну из палаток. Доктор Кэскарт не спешил с заключением, хотя, конечно, и от его внимания не ускользнула мимолётная перемена в лице проводника, оставившая зарубку в памяти. В душе доктора поселилась неосознанная тревога, хотя в тот момент он ещё не мог ощутить её.

Раньше остальных перемену настроения почувствовал Хэнк, но, странное дело: не найдя поддержки со стороны друга, он не взорвался и не обиделся, а, напротив, стал словно подлаживаться к нему.

— Ну ведь нет же какой-то особой причины, чтобы их там не оказалось в этом году, — сказал он примирительно, заметно понизив голос, — оленей, а не того, о чём ты думаешь! В прошлом году, пусть так, были огни, которые отпугивали людей, но нынче, я полагаю... тут просто дело случая, и всё!

Он говорил это с явной надеждой, что его поддержат.

Жозеф Дефаго мельком взглянул на Хэнка, но тут же вновь опустил глаза. Из глубины леса вырвался ветер, на миг ярко раздув тлеющие угли. Доктор Кэскарт уловил новую перемену в лице проводника, и она ещё больше не понравилась ему. Взгляд Дефаго выдал всё. То были глаза человека, испуганного до глубины души. Тревога доктора заметно усилилась, и гораздо больше, чем ему бы хотелось.

— Там могут быть индейцы, которых нам следует бояться? — спросил он с беспечной улыбкой, надеясь несколько разрядить напряжение.

Симпсон, сморённый дремотой и неспособный осознать тонкость ситуации, с долгим зевком направился к своей палатке.

— Или в тех местах ещё что-нибудь не в порядке? — спустя минуту тихо добавил Кэскарт, когда племянник уже не мог услышать его слов.

Хэнк посмотрел на хозяина, и в его взгляде доктору не удалось уловить обычной прямоты и откровенности.

— Да какое там, — возразил проводник с наигранным добродушием, — просто он всё ещё дуется на меня из-за небылицы, которую ему не дали досказать! Уж очень он крепко на меня обиделся, вот и вся недолга! Верно же, старина? — И он по-дружески пихнул носком сапога протянутую к костру ногу Дефаго, обутую в мокасин.

Дефаго резко поднял голову, как бы очнувшись от мечтательной задумчивости, не мешавшей ему, однако, внимательно следить за всем, что происходит вокруг.

— Я? Обиделся? Ещё чего! — воскликнул он с возмущением. — Ничто в лесу не может обидеть Жозефа Дефаго! — И неожиданно воскресшая в его голосе привычная решительность тона не позволила определить, говорил он правду или только часть её.

Хэнк взглянул на доктора. Он собирался было что-то сказать, но оборвал себя на полуслове и оглянулся. Шаги

за их спинами заставили всех троих пристально вглядеться в темноту. То был старый Панк; пока они беседовали, он неслышно выбрался из-под своего навеса и теперь, прислушиваясь к разговору, стоял у самой черты светового круга, образуемого сиянием костра.

— В другой раз, док! — шепнул Кэскарту Хэнк, заговорщически подмигнув одним глазом. — Когда галёрка не будет торчать в партере! — И, вскочив на ноги, он похлопал индейца по спине, громко воскликнув: — Ну-ну, подваливай ближе к огню, погрей малость свою грязную красную кожу.

Подтолкнув Панка к костру, он подкинул в огонь охапку сушняка.

— Ты нынче покормил нас на славу, — добавил он сердечным тоном, словно желая настроить мысли индейца на благодушный лад, — и не будет достоин христианского имени тот, кто заставит старую твою душу зябнуть, пока мы тут блаженствуем возле костра!

Панк приблизился к огню и стал греть ноги, отвечая на эти сладкоречивые излияния не словами, а лишь смутной улыбкой, тем более что едва ли понимал хотя бы половину сказанного. Видя, что продолжение разговора невозможно, доктор Кэскарт последовал примеру племянника и, оставив троих мужчин покуривать возле ярко пылавшего костра, углубился в свою палатку.

Стараясь не разбудить племянника, что в тесноте палатки было сделать нелегко, Кэскарт разделся, а затем исполнил на свежем воздухе то, что Хэнк определил бы фразой «справил старикан малую нужду». Справедливости ради надо заметить, что «старикан» в свои пятьдесят с лишним лет всё ещё был крепким и пышущим здоровьем мужчиной. Совершая вышеупомянутый процесс, он заметил, что Панк уже снова ушёл под навес, а Хэнк и Дефаго оказались в положении молота и наковальни,

причём в роли наковальни выступал маленький канадский француз. Издали эта картина напоминала сценку из вестерна: на лицах героев красными и чёрными бликами играл огонь костра; Дефаго в широкополой фетровой шляпе с низко опущенными краями и мокасилах представлялся злодеем из диких прерий; Хэнк, с непокрытой головой, широко улыбающийся и беспечно пожимающий плечами, — честным, обманутым простаком; таинственность картины дополнял старый Панк, как бы намеренно скрывшийся на заднем плане и подслушивающий разговор главных героев мелодрамы. Комизм этой сцены вызвал у доктора улыбку; и в то же время что-то в нём — едва ли он сам понимал, что именно, — болезненно жалось, словно неуловимое дыхание некой угрозы слегка коснулось его души и снова ушло, прежде чем он успел уловить его. Возможно, ощущение это родилось от испуга, который он уже видел прежде в глазах Дефаго, или просто иначе мимолётный всплеск эмоции вообще мог ускользнуть от его острого, всё подмечающего внимания. Дефаго, на его взгляд, вполне мог неожиданно оказаться причиной беспокойства... Кстати, в роли проводника он не казался столь же надёжным, как Хэнк... Ждать от него слишком много не приходилось...

Прежде чем вернуться в тесную палатку, где уже похрапывал Симпсон, доктор ещё некоторое время понаблюдал за проводниками. Он видел, что Хэнк бранился теперь хоть и отчаянно, но словно бы напоказ — наподобие театрального африканца в каком-нибудь негритянском баре Нью-Йорка, — а на деле то была брань «от любви». Теперь, когда все, кто мог помешать бранившимся друзьям, ушли спать, взаимные проклятия и взывания к Богу текли неудержимым потоком. Хэнк почти с нежностью похлопывал друга по плечу, и вскоре оба они скрылись в тени, где смутно виднелась их палатка.

Минутой позже, последовав их примеру, исчез во мраке и Панк, зарывшийся в свои вонючие одеяла.

Улёгся спать и доктор Кэскарт; усталость и сонливость ещё некоторое время боролись в его сознании со смутным желанием разобраться наконец в странном происшествии. Что же всё это значило? Чего испугался Дефаго, когда речь зашла о заливе Пятидесяти Островов? Почему присутствие Панка помешало Хэнку досказать всё до конца?.. Но в объятиях Морфея мысли доктора отказывались повиноваться... Возможно, всё разъяснится завтра... Хэнк доскажет то, что хотел досказать, когда они вдвоём пойдут по следу неуловимых лосей...

Глубокое безмолвие опустилось на маленький охотничий лагерь, столь дерзновенно разбитый в самой пасти дикой природы. Чёрным травянистым лугом поблескивало под звёздами широко раскинувшееся озеро. Воздух становился колюче-студеным. В ночной лесной глуши таились послания далёких горных вершин, озёр, подёрнутых первым ледком, чувствовались слабые, унылые запахи надвигающейся зимы. Белым людям, с их неразвитым обонянием, не дано уловить дыхание природы; смоляной дух костров заглушает для них тончайшие, почти электрические посылы мхов, древесной коры и застывающих вдали болот. Даже Хэнк и Дефаго, постигшие самую душу лесов, быть может, сейчас тщетно раздували бы свои тонкие ноздри.

Но часом позже, когда все уже заснули мёртвым сном, старый Панк выполз из одеял и тенью скользнул к берегу озера — неслышно, как это умеют делать только индейцы. Он высоко поднял голову и огляделся. Кромешная тьма многое скрывала от его глаз, но, подобно животным, он обладал особыми чувствами, и мрак не был властен над ними. Панк долго прислушивался, потом потянул ноздрами воздух. Он стоял безмолвно и недвиж-

но, будто стебель болиголова. Минут через пять он снова вытянул шею и принялся, а затем ещё раз. Внешне никак не проявлявшееся нервное напряжение растекалось по всему телу индейца, когда он втягивал в себя обжигающий свежий воздух. Слившись в единое целое с окружающей его темнотой, как это удаётся лишь дикарям и животным, Панк вернулся к стоянке, по-прежнему скользя неуловимой тенью, и, крадучись, пробрался к своей постели под навесом.

Не успел он уснуть, как налетел предугаданный им ветер и поднял на поверхности озера, отражающей звёзды, лёгкую рябь. Зародившись в отрогах гор с другой стороны залива Пятидесяти Островов, этот ветер явился как раз оттуда, куда смотрел старый индеец, и едва слышно, с тоскливым шуршанием в верхушках исполинских деревьев пронёсся над погружившейся в сон охотничьей стоянкой. Лесные безлюдные тропы наполнились странным ароматом — слишком тонким, чтобы его могли уловить даже изошрённые чувства индейца, непостижимо волнующим ароматом чего-то неведомого, незнакомого.

И в это мгновение белокожий канадский француз и краснокожий индеец беспокойно завозились во сне. Но ни один из них не проснулся. А незабываемый странный запах унёсся прочь, затерявшись в глуши девственного леса.

Ещё до восхода солнца охотничий лагерь ожил. Всю ночь падал лёгкий снежок, холодный воздух обдавал ноздри свежестью. Судя по тому, что до обеих палаток донёсся дух жареного бекона и аромат кофе, Панк уже исполнил свои утренние обязанности. Охотники поднялись в превосходном настроении.

— Ветер сменился! — бодро крикнул Хэнк, наблюдавший за тем, как Симпсон и его проводник принялись загружать небольшую лодку. — Теперь он с озера — то,

что вам надо, парни! На свежем снегу каждый след как на ладони! Если попадутся лоси, при таком ветре им вас не учуять, разве что самую малость. Ну, мсье Дефаго, удачи тебе! — заключил он, впервые произнеся имя своего друга на истинно французский манер, присовокупив напоследок и французское «bonne chance»¹.

Дефаго, по всей видимости пребывавший в прекрасном расположении духа — от его молчаливости не осталось и следа, — ответил приятелю такими же добрыми напутствиями. К девяти утра охотничья стоянка, оставленная на попечение Панка, опустела; Кэскарт и Хэнк уже ушли далеко на запад, а лодка Дефаго и Симпсона, нагруженная палаткой и двухдневным запасом провизии, превратилась для глаз индейца в чёрную точку, качающуюся на лёгкой зыби озера напрямиком на востоке.

Пронзительная свежесть зимнего утра теперь была согрета лучами солнца, воспарившего над лесистыми горными отрогами и обливавшего радостным своим сиянием и озеро, и леса, и горы; сквозь сверкающие водяные брызги, вздымаемые порывами ветра, плавно скользили гагары; бодро выскакивая из воды навстречу солнцу, стряхивали воду с мокрых головок утки-нырки; насколько хватал глаз, вокруг высились необъятные, всё подавляющие собой массивы первобытного леса, величественные в своём безмолвии, безлюдье и бесконечности — то был могучий, не потревоженный ногой человека живой ковер, распростёршийся вплоть до уже покрытых льдом берегов Гудзонова залива.

Симпсон, сидевший на носу челнока, пляшущего на волнах, и изо всех сил работавший веслами, не мог не поддаться очарованию девственной красоты природы: зрелище это было для него в новинку. Сердце юноши

¹ *Bonne chance* — желаю счастья, счастливого успеха (франц.).